Ростовская старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 128

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Два автографа

11-12 июля в Ростовском музее пребывал известный историк Древней Руси и Русской Православной Церкви, член-корреспондент Российской Академии наук Я.Н. Щапов.

Знаменитый ученый является последним представителем когда-то разветвленной и многочисленной купеческой династии, которая прослеживалась в Ростове с середины XVII до конца XIX вв. Хранитель обширного семейного архива, свою родословную Ярослав Николаевич знает блестяще, говорит о своих предках увлеченно, являя собой образец интересного и живого рассказчика. Знания эти, как и дар слова, унаследованы им от отца Николая Михайловича, автора книги «Я верил в Россию», многие страницы которой посвящены Ростову и ростовским родным. По просьбе Я.Н. Щапова, ему были показаны портреты родственников по линии отца - из фондов музея, поступившие в его собрание после Октябрьской революции 1917 г.

Программа визита высокого гостя была достаточно плотной – в это же время снимались кадры для документального фильма, посвященного Я.Н. Щапову и его ростовским корням. В Ростове сохранились дома сокольих помытчиков и купцов Щаповых, родовые земли которых располагались в начале первого квартала ул. Московской (совр. Ленинской). Это дома №№ 1, 2, 3, 4, 5, 8. Все они уже давно Щаповым не принадлежат, в том числе и д. № 5, один из самых древних в Ростове – план на его постройку был выдан в 1775 г. В этом доме родился Михаил Иванович, дед Ярослава Николаевича. В кон. XIX в. К.И. Щапов продал его фотографу М.А. Орлову; после 1917 г. дом был реквизирован; ныне является частным владением. Ряд кадров для будущего фильма был снят в Белой палате Ростовского кремля, где располагается экспозиция, посвященная Музею Церковных древностей. Именно здесь, под древними сводами, произошел обмен дарами: Ярослав Николаевич передал в музей письмо своей прабабушки Марии Яковлевны, 18 раритетных семейных фотографий и ряд книг. Среди них - «Очерки Русской истории, источниковедения, археографии», автором которых является он сам, и юбилейный сборник «От древней Руси до новой России», посвященный его 70-летию. Заметим, что Я.Н. Щапов – автор 308 работ, отражающих его научные интересы. Подарком видному профессору от музея явились сборники научных трудов и издания последних лет, в том числе и совсем недавно увидевшая свет книга «По старинным улицам Ростова» - города, из которого вышли предки выдающегося ученого Я.Н. Щапова.

В музей «Ростовский кремль»

От Щапова Ярослава Николаевича

Прошу принять в дар Музею ростовский документ 1869 г. – письмо моей прабабушки Марии Яковлевны Щаповой (ур. Пономаревой) ее сыну, моему деду Михаилу Ивановичу Щапову в Москву.

Это часть большой переписки Михаила Ивановича с матерью, сестрами, другими родственниками, а также с контраконтами по торговому делу «Братья Петр и Илья Щаповы», которая пока хранится у меня вместе с фотографиями этих родственников. Передам в один из архивов Москвы.

Я. Щапов

11 июля 2006 г. Ростов

Музей, Иераршие палаты

[Адрес на конверте] *В Москву на Чижевское подворье в лавку братьев Щаповых*

Михаилу Ивановичу Щапову

Ростов генваря 13 дня 1869

Любезные и милые мои дети Мишинька и Машинька!

Поклон вам, благословение, целую вас, поздравляю вас с новым годом и желаю вам всего радосного и приятного сщастия всякого благополучия и доброго здоровья. Мы благодаря бога здоровы костя вам кланяется. Письмо ваше получила благодарю бога, что вы здоровы и все у вас благополучно у Коперина свадьба иван митрич женился невеста шапошникова я завтра еду в ярославль сашинька после родов нездорова погода очень холодная боюсь и ехать. Миша деньги еще не получила Мишинька у меня в свидетельстве написано имя и очество Марьи Константиновны а в пашпорте говорят не нужно костя скоро приедет скажите ему чтобы в ростов приезжал. Аннушка, Александр Иваныч вам кланяются пишу снесу на почту после побольше напишу.

Я милая Машинька от тебя жду большое послание прощайте мои милые бог вас благословит остаюсь доброжелательная ваша Марья Щапова.

Публикацию подготовила Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.

Из истории церковного прихода села Мосейцева

В предыдущих публикациях мы помещали списки священно-церковнослужителей и старост церковного прихода Мосейцева («РС», №№ 122, 123, 125-127). Данная статья открывает серию работ, посвященных истории местной религиозной общины.

Одно из ранних документальных упоминаний о церковном приходе Мосейцева относится к концу XVI столетия. Согласно «отдельной выписи» ростовского губного старосты Ивана Мисюрева и городового приказчика Клима Сукина от 31 декабря 1594 г., Мосейцево и окрестные деревни и пустоши Якимовского стана Ростовского уезда принадлежали Авдотье Сенчуковой жене Сабуровой «з дочерью с меншою». Источник сообщал, что в Мосейцеве находились «церковь Николы чюдотворец да теплая церковь Сергей чюдотворец».

Как видим, в последнем десятилетии XVI в. в Мосейцевском приходе находились два храма: Сергия Радонежского («Сергей чюдотворец») и Николы Чудотворца. Поскольку Сергий Радонежский был популярным святым в Ростовском крае, уроженцем которого он являлся, не исключено, что строительство храмов в честь преподобного здесь происходило сразу после местной канонизации 1422 г. Так или иначе, учитывая даты наиболее раннего упоминания о Сергиевском храме в Мосейцеве (1594 г.) и местной канонизации Сергия Радонежского (1422 г.), можно говорить, что существование церкви с данным наименованием (возможно, с переделками) в Мосейцеве на 1594 г. насчитывало не более 172 лет.

Следующее упоминание о приходе Мосейцева относится к первой трети XVII в. Согласно «Списку с ростовских писцовых книг церковным землям», составленному в 1629-1631 гг. князем Андреем Звенигородским и подьячим Михаилом Бухаровым, в Якимовском стане Ростовского уезда помещику Ивану Ларионову сыну Суморокову принадлежала половина с. Мосейцева, «а в селе храм Сергия Радонежского чудотворца, да место церковное, что был храм Николы Чюдотворца… Пашни церковные у Никольского погосту шесть чети в поле, а в дву потому ж, сена пятнадцать копен, да в селе Мосейцове церковные земли шести чети в поле, а в дву потому ж, сена нет».

Как видим, в конце 20-х годов XVII столетия в приходе Мосейцева находилась одна церковь Сергия Радонежского. Любопытно упоминание о существовавшей прежде церкви Николы Чудотворца, после которой осталось «место церковное» (по-видимому, запустевшая храмовая территория). Учитывая, что в 1594 г. упоминались храм Николы Чудотворца, а в 1629-1631 гг. – «место церковное, что был храм Николы Чюдотворца», можно говорить, что он был разрушен в период между этими датами, возможно, во время польско-литовской интервенции. Обратим внимание, что около некогда существовавшего храма Николы Чудотворца располагалось приходское кладбище – «Никольский погост».

На «Геометрическом генеральном плане» межевания земель Мосейцева 1774 г. в центре села показаны две стоящие рядом друг с другом церкви (см. рисунок). Последнее подтверждается и текстом «Покорнейшего прошения», поданного в июне 1778 г. архиепископу Ростовскому и Ярославскому Самуилу от священника Мосейцева Григория Иванова и местных помещиков Михаила Васильева сына Ошанина и его сестры Дарьи Васильевой дочери Ошаниной. Ошанины сообщали, что на тот момент в Мосейцеве располагались две деревянные церкви – Сергия Радонежского и Николая Чудотворца, «из коих сергиевская хотя и неветха однакож мы… ныне намерены желающим ее уступить за настоящую денежную плату, а вместо ее и на том же месте построить новую каменную и в тож именование церковь с пределом в трапезе на левой стороне теплым святителя и чудотворца Николая на что и материалы изготовляемы будут», и просили на это благословения Архипастыря. 26 июля 1779 г. Ростовская духовная консистория разрешила «деревянную церковь сергиевскую охочим людям продать дозволить… и о разобрании во оной церкви престола, також и о построении новой каменной церкви в надлежащих обстоятельствах к находящемуся по Ростову и уезду благочинному послать указ». Строительство каменной церкви Сергия Радонежского завершилось в 1787 г., храм был освящен 25 сентября 1787 г. Очевидно, в этот период была разрушена деревянная Никольская церковь.

План земельного межевания 1774 г. упоминает о двух церковных земельных «местах», отмеченных на плане «АЦЗ» и «ВЦЗ» (см. рисунок). «Список с ростовских писцовых книг церковным землям» 1629-1631 гг. также говорит о двух участках, один - «в селе Мосейцове», другой - у разрушенной на тот момент церкви Николы Чудотворца с кладбищем («у Никольского погосту»), точное местонахождение которой не указывалось.

А.А. Титов в 1885 г. писал, что на тот момент «в версте» от Мосейцева находился каменный «часовенный столб», где, по преданию, когда-то существовала деревянная церковь. Около «столба» были обнаружены следы кладбища.

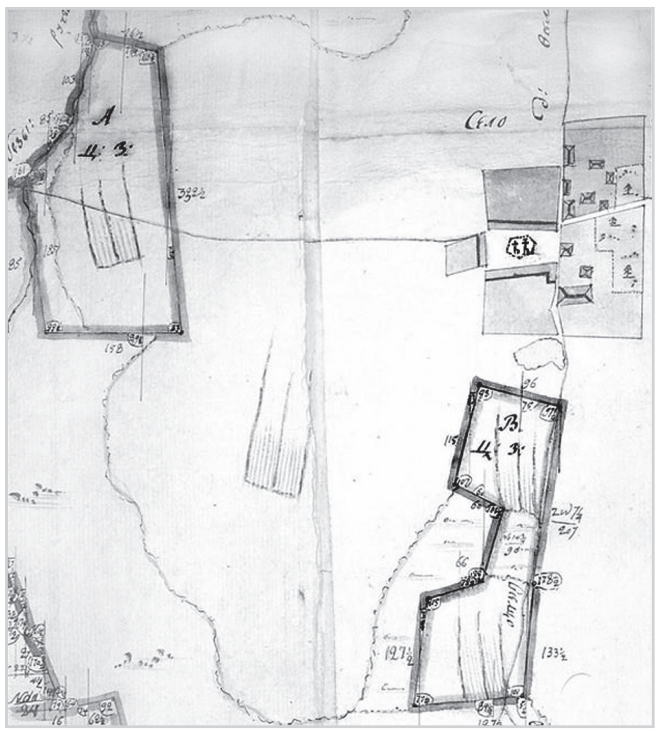
Алексей КИСЕЛЁВ. (продолжение следует).

Желающие представить дополнения, уточнения, фотографии, документы, связанные с историей села Мосейцева, могут принести их заведующему археологическим отделом Ростовского музея Алексею Валерьевичу Киселёву или прислать по адресу:

152151, Ярославская область, Ростов, кремль (с пометкой: Киселёву Алексею),

сл. телефон: (04536) 6-25-53, доб. 260 (спросить Алексея Киселёва);

e-mail: mus@yaroslavl.ru, rostkreml@mail.ru (с пометкой: для Киселёва Алексея).



Фрагмент геометрического плана межевания 1774 г. с указанием земельных владений служителей церкви Сергия Радонежского (обозначения «АЦЗ» и «ВЦЗ»).

«...Устроить более удобные и приятные условия для прогулок горожан»

Окончание. Начало - «РС» № 127.

Мнение Аксакова о непрочности мощения улиц при переполнении не имеющей стока воды канав было правильно. Городу чуть не ежегодно приходилось перемащивать улицы. Однако только через 11 лет после запроса Аксакова решено было приступить к осушке улиц города, для чего и было решено вырыть по линии Окружной улицы канаву со стоком на обоих концах в озеро. В связи с устройством канавы и возникла мысль об устройстве по Окружной улице бульвара. 26 марта 1861 г. «Городская дума, имея в виду, что устройство ...канавы в г. Ростове по Окружной улице, для осушения улиц по болотистому и топкому грунту необходимо, ибо устроенные на этих улицах мостовые в хорошем виде существовать могут не более одного года; с устройством же этой канавы образуется свободный сток воды в озеро с обоих сторон кремля, но чтобы через устройство этой канавы Окружная площадь не теряла своего вида, а приобрела бы еще большую красоту и удобство по ней пешеходам, дума полагала бы: вырытую через рытье канавы землю, около оной разравнивать и через это образовывать бульвар, обсаживая его тополем и другими деревьями. Подобное устройство канавы столько принесет пользы от осушки Окружной и прочих, прилегающих к ней улиц, столько и принесет красоты городу, в особенности Окружной площади».

Постановление думы было утверждено губернским правлением. На устройство канавы были объявлены торги, на которых наименьшую цену объявил ростовский 3-й гильдии купец В.А. Копоркин. Дума подряд за купцом Копоркиным утвердила, обусловив: «Канава должна быть вырыта шириною в 3,5 аршина, глубиною от 2,5 до 3 аршин сообразуясь с местностью, бульвар же в 7,5 аршина, и утрамбован щебнем и песком на два вершка. Бока же канавы и бульвара должны быть обшиты дерном. Устройство же начать от дома купца Алексея Григорьева Щапова по Окружной улице (угол Окружной и Покровки по правой стороне если идти от кремля) до места по указанию члена думы, прикомандированного для наблюдения за работой через дорогу от дома купца А.Г. Щапова к дому купца Петра Щапова (на противоположной стороне Покровской к озеру). Провесть в проточном виде канаву деревянными срубами, от дома же купца П.Щапова канаву вести открытую к самому озеру, так, чтобы был свободный сток воды».

Работы по устройству бульвара и канавы продолжались с конца июня до конца сентября; за это время удалось устроить бульвар и канаву только до дома купца Латышева (угол Ильинки и Окружной).

18 апреля 1863 г. дума имела рассуждение относительно дальнейших работ по устройству бульвара и постановила: «как удобное для работ время уже наступило, почему следует распорядиться о продолжении устройства канавы и бульвара, назначив торги на работы». В составленных к торгам кондициях повторялись те же условия, что и в кондициях к торгам 1861 г., с добавлением лишь того, что бульвар должен быть обсажен молодыми свежими липками по обе стороны на расстоянии один от другой одной сажени».

Проезда из кремля во Введенскую улицу, существующего в настоящее время, не было; бульвар шел сплошь от Заровской до Благовещенской улиц. Таким образом, к концу 1863 г. было готово немного более половины всего бульвара, доведенного до Благовещенской улицы.

В 1864 г. на устройство бульвара ассигнуется 800 р. По обычаю, весной назначаются торги на работу, однако желающих взять подряд не нашлось. Дума постановила работы произвести хозяйственным распоряжением, поручив производство работ гласному Мельникову. В этот сезон было устроено канавы и бульвара еще 181 саж. и одной канавы 87 саж.

В 1865 г. должны были закончиться работы по устройству бульвара до Ярославской улицы, где предположено кончить бульвар. На назначенные торги снова желающих не явилось, и снова работа продолжалась хозяйственным распоряжением под наблюдением гласного Ксенова и Мельникова. Однако до Ярославской улицы бульвар не довели, потому что с проведением бульвара до Ярославской ул. уничтожен был подъезд со стороны Окружной улицы к Мытному двору, занимавшийся тогда во время ярмарок торговыми и складскими помещениями. Уничтожение такого подъезда со стороны Окружной улицы создавало бы неудобство для перевоза товаров в склады Мытного двора; благодаря этому и оставался бульвар долгое время не доведенным до Ярославской ул.

В 1866 г. на устройство бульвара ассигнуется уже только 300 р., которые и израсходованы на проведение между устроенным бульваром при проездах в улицы каменных мостовых. Таким образом, в 1866 г. заканчиваются начатые в 1861 г. работы по устройству Окружного бульвара и сопутствующей ему канавы. Бульвар протяжением в 806 погонных сажень стоил городу (вместе с канавой) 4100 р.

В 1867-70 гг. на содержание бульвара дума ассигнует по 75 руб. в год. В январе 1869 г. думой для бульвара решено взять специального сторожа-садовника, «с тем, чтобы иметь ему постоянный надзор за сохранением в целости бульвара и насаждения на нем деревьев, а в летнее время на бульваре вести надлежащую чистоту, наблюдать за деревьями в сухое время поливать, а неотродившиеся уничтожать, и подсаживать новыми деревьями; словом все работы за исправным состоянием бульвара и за сохранением онаго». Жалованье этому сотруднику, должность которого занял отпускной рядовой Скороспелов, определено в 75 р. в год.

С 1870 г. размер ассигнованной на содержание бульвара суммы повышается до 100 р. в год. Однако этой суммы совершенно не достаточно для поддержания бульвара, и с 1873 г. на эту цель ассигнуется уже по 250 р. в год.

Однако, несмотря на расходы на поддержание бульвара, последний, видно, не имел вполне благоустроенного вида и требовал дальнейших работ по устройству и приведению в порядок. Для приведения бульвара в должный вид Думой была избрана особая комиссия, которая в 1886 г. и приступила к работам. Весной были отремонтирован бульвар от Благовещенской до Никольской ул., подсыпана земля около деревьев, края бульвара уложены дерном, подсажено 162 тополя и сделано по всему бульвару 20 скамеек и 63 тумбы. В представленном в Думу заявлении комиссия считала необходимым продолжить неоконченные работы, указывая, что после окончания ремонта бульвар приобретет должный вид и в дальнейшем потребует незначительных сумм на поддержание. Дума, утвердив расход 238 р. 29 к., выразила благодарность членам бульварной комиссии А.А. Титову, И.Н. Фомину и П.С. Чистякову».

Публикация Т.В. КОЛБАСОВОЙ.

Находка в усадьбе Кекиных

6 марта 2006 г. на чердаке усадьбы Кекиных на улице Покровской (Ленинской), 32, при переборке чернового потолка рабочие Н.Н. Толпенко, А.И. Лукьянченко и С.М. Спиридонов нашли небольшую пачку писем, перевязанную веревочкой. Каждое из писем сложено вчетверо и скреплено печатью из красного сургуча. Рабочие передали находку научным сотрудникам отдела истории Ростова XIX – XX вв. Ростовского музея.

Письма адресованы Марии Федоровне Кекиной, сестре известного ростовского купца Леонтия Фёдоровича, и тётке не менее знаменитого петербургского купца Алексея Леонтьевича. К большому сожалению, в нашем архиве нет почти никаких сведений об этой женщине. Известно только, что она не вышла замуж, жила в доме брата, Леонтия Федоровича, и помогала вести домашнее хозяйство его жене.

Отправлены письма из Ануфриева скита - старообрядческой обители, местонахождение которой выяснить оказалось нелегкой задачей. Предположительно скит располагался в Семеновском уезде Нижегородской губернии.

Письма очень похожи друг на друга, очевидно, что существовал определённый стандарт для их написания. Восемь писем точно датированы. Первое подписано 27 октября 1861 г. Следующие семь писем отправлены 27 ноября. В 1863 г. - одно письмо, в 1865 и 1866 гг. - по три письма от разных лиц скита: девицей Епитимьей с сестрами, убогим скитожительствующим попечителем Иваном Григорьевым, Савелием Артемьевым и братией. Как значится в одном из писем, адресованном Алексею Леонтьевичу Кекину, «…Сего месяца 27-го числа у нас праздник Св. Якову и день Знамения Божьей Матери…».

Источники свидетельствуют, что Мария Федоровна была старообрядкой, как и многие другие члены знаменитой фамилии. В музейном архиве хранится письмо Ивана Васильевича Кекина к настоятелю старообрядческого монастыря с просьбой о поминании на божественных литургиях родительницы Дарьи. Имеется также обращение настоятеля Павло-Обнорского старообрядческого монастыря к Федору Леонтьевичу Кекину с просьбой о материальной помощи «спасительному ковчегу».

Кекины большое внимание уделяли благотворительности. Федор Леонтьевич являлся постоянным жертвователем Музея Церковных древностей. Всем известно, какой неоценимый вклад для родного города сделал Алексей Леонтьевич. Как и все представители рода Кекиных, Мария Фёдоровна тоже много благотворительствовала. Каждое из писем полно благодарности и пожелания всего самого хорошего за оказанную помощь. Вот некоторые строки из этих писем: «…при великом благополучии здравствовать Вам усердно желаем…», «…премного благодарим за Ваше неоставление нас грешных…», «…получили… Вашей оной милостыни… денег два рубля серебром…», «…И впредь просим имени ради Христова... подать на прокормление престарелых и дряхлых стариков и старух…».

В архиве музея хранятся подобные письма из других старообрядческих скитов, адресованные другим представителям рода Кекиных: Федору Леонтьевичу - из Киликейнской и Минодоринской обителей и Алексею Леонтьевичу из Улангеря.

Девятое письмо не датировано. Неизвестно, откуда оно было прислано Марии Федоровне и кто его автор. Возможно, что его написали также в Ануфриевом ските, но, к сожалению, сургучная печать на конверте плохой сохранности. Текст данного письма представляет собой выписки из апокрифического «Сказания о 12-ти пятницах в году бываемых, в кои должно всякому православному христианину от греха блюстися и поститися»: «Кто в пятницу постится, тот человек при смерти своей увидит имя своё написанное в книге живой у самого Господа нашего у Иисуса Христа…», «…кто постится, тот потрясенья, болезни избавлен будет…».

Письма поступили на хранение в отдел редкой книги музея. В дальнейшем предполагается их использовать в качестве экспонатов на выставке «Купеческая усадьба».

С. МИТИНА.

Конь да Винчи

Если любого человека на улицах Ростова спросить, слышал ли он о Леонардо да Винчи (1452-1519), то, несомненно, ответ будет положительным. И не удивительно, поскольку этот великий художник, скульптор, изобретатель, ученый является, как теперь

Рис. 1.

Рис. 3.

Рис. 5.

Рис. 8.

принято говорить, культовой фигурой не только европейской, а и мировой истории.

Зададим и второй вопрос - имеет ли Леонардо хоть какое-то отношение к Ростову? Уверен, что ныне любой выскажется отрицательно. И напрасно. Во второй половине XV - начале XVI в. в России существовал человек, который, как выяснилось, олицетворяет связь ее, и Ростова в том числе, с Италией эпохи Возрождения и гениальным Леонардо. Речь идет о дьяке Даниле Мамыреве.

В конце XV в. он состоял на службе у московского великого князя Ивана III (рис. 1.), являясь чиновником особого учреждения его двора - так называемой Казны. Это была эпоха становления Русского государства, когда многие его функции только лишь зарождались. В то время одним из важнейших учреждений великокняжеского двора являлась упомянутая Казна. Она исполняла целый спектр государственных функций, часть из которых позже, в XVI в., перешла к другим вновь сформированным учреждениям. В Казне хранились великокняжеские ценности и архив. Она исполняла роль главного финансового учреждения государства. Она же, до появления особого Посольского приказа, была непосредственно причастна к посольским делам. Казначеи и дьяки этого ведомства занимались приемом иностранных посольств, а некоторые дьяки сами выступали в роли послов. Сказанное в полной мере относится и к нашему герою, дьяку Мамыреву. Он был одним из немногих, кто закладывал основы посольского дела Русского государства.

Рис. 2.

Рис. 4.

Рис. 7.

Рис. 9.

Рис. 10.

Каменная палата, занимавшаяся Казной, тогда находилась в Московском Кремле, она вплотную примыкала с востока в алтарной части великокняжеского Благовещенского собора, в ней и служил Данило Мамырев.

Поскольку обязанности дьяков конца XV- начала XVI вв. не были строго регламентированы, Данило Мамырев исполнял многие важные поручения великого князя, не связанные с посольской практикой.

Важно подчеркнуть, что Мамырев работал бок о бок с целым рядом других дьяков, которые в то время являлись наиболее образованной и широко мыслящей частью русского общества. И сам он принадлежал к их числу. До нас дошло несколько книг из составленной им личной «библиотеки». О других подобных книгах, происходящих из нее, мы узнаем из письменных источников. То есть Данило Мамырев являлся книжником. Судя же по тематике принадлежавших ему книг, он был склонен к богословским размышлениям.

Очевидно, наиболее значительным событием в жизни дьяка Мамырева стала его посольская поездка в Италию, а точнее - в тогдашние государства Милан и Венецию.

Великий князь Иван III в мае 1493 г. послал туда посольство Мамырева и находившегося на русской службе грека Мануила Ангелова с основной целью найма различных мастеров для работы в России. 17 ноября того же года Ангелов и Мамырев прибыли в Милан. На следующий день по приезде, 18 ноября, послы были приняты правителем Милана Лодовико Сфорца по прозванию Моро (рис. 2). Они вручили ему верительную грамоту и подарки (1 штуку горностая, 5 сороков соболей, саблю, богато украшенный лук и моржовую кость длиной в локоть). Дело, надо полагать, происходило в замке Сфорца (рис. 3), который до сей поры сохранился в Милане. Между прочим, по образцу именно этого замка итальянские архитекторы построили Московский Кремль.

Вскоре по приезде русские послы были приглашены на придворное празднество. Однако они отказались в нем участвовать, требуя предпочтения перед польским послом, поскольку "их государь благороднее и сильнее всех королей Венгрии, Чехии и Польши вместе взятых".

Демонстрацией особого почета, оказываемого в Милане московским послам, стала устроенная в их честь большая придворная охота с участием Лодовико Моро и его жены Беатриче д`Эсте (рис. 4). "Благородная забава удалась на славу: дичи оказалось множество".

В декабре 1493 г. Ангелов и Мамырев заключили контракты с резчиком по камню Бернардино да Боргаманеро, архитектором Алуизио (Алоизио, в русских документах - Алевиз) ди Каркано (Карезано), кузнецом Микаэлем Парпайоне, а также, очевидно, с другими моастерами для работы на московского великого князя.

Именно в те самые дни, когда Данило Мамырев и его спутник занимались исполнением своей миссии, по приказу Лодовико Моро состоявший у него на службе великий Леонардо да Винчи (рис. 5) представил на всеобщее обозрение одно из самых значительных своих творений - глиняное изваяние коня. Оно представляло собой модель будущего бронзового памятника покойного правителя Милана отца Моро - герцога Франческо Сфорца. Последний должен был быть представлен сидящим в боевых доспехах на этом коне. Леонардо около трех лет создавал уникальное по размерам произведение. Оно должно было стать самой большой конной статуей в мировой истории. К декабрю 1493 г. модель памятника еще не была готова. В частности, отсутствовала фигура Франческо Сфорца. Однако Лодовико Моро вынудил Леонардо показать всем то, что было уже сделано - «Коня», уже успевшего к тому времени обрасти легендами.

И этот колосс потряс современников, его высота составляла около

Рис. 6.

семи метров, а вес был близок к 80 тоннам. Известный автор XVI в. Джорджо Вазари писал: "Те, кто видел огромную глиняную модель, которую сделал Леонардо, утверждают, что никогда не видели произведения более прекрасного и величественного". К сожалению, оно не сохранилось, но целы подготовительные рисунки Леонардо (рис. 6), хотя бы отчасти восполняющие для нас утрату оригинала.

Можно только представить, насколько глубокое и сильное впечатление произвела эта скульптура на дьяка Мамырева. Надо помнить, что и он, и Леонардо были включены в один и тот же круг двора правителя Милана. Так что Данило Мамырев мог не только видеть это и другие творения великого мастера, но и общаться с ним самим. А ведь именно вербовкой мастеров и занимались в Милане русские послы.

Во второй половине декабря они стали собираться к отъезду из Милана в Венецию. Лодовико Моро отпустил их с тем же почетом, с каким и принял, хотя они отказались участвовать в торжествах на свадьбе его племянницы Бьянки Сфорца с императором Максимилианом. Они заявили, что не желают присутствовать при бракосочетании, дабы не уступить первого места представителям императора и королей Франции или Испании.

Отъезд послов из Милана состоялся, очевидно, ближе к концу декабря. 29 числа того же месяца они были приняты венецианским сенатом. 1 января 1494 г. в главном храме Венеции соборе Сан Марко (рис. 7) происходила торжественная месса, на которой присутствовали дож с членами совета, сенаторы, патриции и представители других держав. Ангелову и Мамыреву было отведено почетное место. Однако посол неаполитанского короля попытался встать перед ними, тогда они демонстративно вышли из храма. Свое решение русские послы объяснили тем, что не могут снести обиды, чинимой их государю.

Как видим, и в Милане, и в Венеции в сходных ситуациях послы поступали совершенно одинаково. Надо полагать, такое поведение определялось не их личными амбициями, а посольским обычаем, сложившимся к тому времени. Согласно тогдашним представлениям посол как бы отождествлялся с персоной великого князя. Поэтому любое принижение достоинства посла расценивалась как умаление престижа правителя Русского государства.

Из Италии посольство Ангелова и Мамырева с большой группой нанятых мастеров различных специальностей возвратилось в Москву летом 1494 г.

Казалось бы, какое отношение имеет все вышесказанное к Ростову? Оказывается, имеет. Дело в том, что Данило Мамырев хоть и жил в Москве, но имел вотчинное владение близ Ростова - село Поникарово. Теперь это деревня Паникарово Борисоглебского района Ярославской области. Надо полагать, дьяк Мамырев неоднократно бывал в Ростове по дороге в свою вотчину. Для нас же необыкновенно важно то, что из церкви Димитрия Солунского, существовавшей в Поникарове, происходит уникальный по сохранности и высокому художественному уровню иконостас, состоящий из царских врат и пятнадцати икон. Именно Данило Мамырев был их заказчиком. Ныне большую часть этих произведений можно видеть в экспозиции Ростовского музея.

Все они принадлежат кисти русских современников Леонардо - лучших московских художников конца XV - начала XVI вв. Особенно значительны два образа местного ряда данного иконостаса, "Богоматерь Одигитрия" (рис. 8) и "Димитрий Солунский в житии" (рис. 9). Первая икона принадлежит к числу наиболее совершенных произведений московского искусства XV в. А вторая создана одним из лучших мастеров круга Дионисия. Подчеркнутым своеобразием отличается художественное решение образа Димитрия Солунского. На иконе из Поникарова мы видим прекрасного, почти женственного юношу, замершего в прихотливо-грациозной позе. Этой чрезмерной утонченности, почти манерной изысканности немного найдется аналогов во всей русской иконописи XV - XVI вв. Ясно, что такое произведение явно возникло в рамках придворной элитарной культуры. Носителем именно этой культуры и являлся дьяк Мамырев. Надо полагать, его личные вкусы оказали влияние на выбор художественного решения иконы Димитрия Солунского и указанного иконостаса в целом. Таким образом, все эти иконы можно рассматривать как своеобразный исторический источник, характеризующий личность их заказчика.

Становится ясным, что Данило Мамырев обладал особо изощренным художественным вкусом и был глубоким знатоком иконы. В подтверждение последнего тезиса обратим внимание еще на одну важную черту того же иконостаса. Центральная икона его поясного деисусного чина обладает уникальной для того времени иконографией. В отличие от всех известных подобных икон русских иконостасов XV - XVI вв., на ней Иисус Христос представлен не с Евангелием в левой руке, а со свитком (рис. 10). Следовательно, в указанной иконе созданного по заказу нашего героя деисуса и, судя по определенным признакам, в деисусе в целом выражена незаурядная для той эпохи богословская концепция. Вполне возможно, что она возникла не без участия Мамырева, который, как предполагалось выше, имел склонность к богословским размышлениям.

Теперь всякий, прочитавший эту статью, оказавшись в нашем музее перед названными иконами, вспомнит о Даниле Мамыреве и Леонардо да Винчи и обретет ощущение связанности всего и вся в европейской культуре и, может быть, осознает, что Россия гораздо раньше начала становиться частью Европы, чем большинством принято считать до сих пор.

А. МЕЛЬНИК.